

Дарья Кузнецова

Не бойся, тебе понравится!

Цикл «Вопросы международных отношений»:

Издержки дипломатии
Не бойся, тебе понравится!

RUGRAM

Москва
2025

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
К89

Кузнецова, Д.

К89 Не бойся, тебе понравится! / Д. Кузнецова. — М. : RUGRAM, 2025. — 300 с. — (Вопросы международных отношений).

ISBN 978-5-517-13517-9

Жизнь в плену не проходит даром, и каждый, кому посчастливилось вернуться, получает на память свои проблемы. Шахаб Шадай отличился: спасаясь из эльфийской лаборатории, он прихватил с собой не только травмы, но и живую эльфийку с дурным характером.

История могла бы кончиться плохо, окажись на месте Халелы Безродной другая женщина. Но эксцентричная эльфийка, прозванная сородичами Повиликой, не признаёт банальных трагедий и настроена извлечь из ситуации максимум.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-13517-9

© Дарья Кузнецова, текст, 2025
© Ольга Есина, дизайн обложки, 2025
© Юлия Андреева, р.Elena_art,
внутренние иллюстрации, 2025
© RUGRAM, 2025

Глава первая, долгожданная

— **К**огда нас эвакуируют? Последние военные уже сбежали, а мы сидим как укоренились...

— А ты не слышал? Повилика отказалась! Сказала, пока эксперимент не проведёт, и слышать не хочет об эвакуации, а кто хочет сбежать — может скакать перекати-полем без денег и рекомендаций.

— Вот же гнилой корень!.. Есть листики ещё? У меня кончились.

— Слишком много эльфийского листа — это даже для нас вредно. Держи...

— А, плевать! Всё равно со дня на день дроу придут, всех на компост перекопают!

Балкон, на котором стояли двое эльфов, выходил в ущелье и открывал грозный и пугающий вид на голые серо-коричневые скалы и ревущую глубоко внизу узкую бурную реку. После недавних

дождей вода приобрела насыщенный буро-коричневый цвет и выглядела сплошным потоком грязи. Рокот её отлично слышался, но на такой высоте не заглушал разговоры.

Уединённое место располагалось немного в стороне от основных помещений лаборатории и было одним из нескольких подобных, выходы в которые шли друг за другом в длинной галерее, опоясавшей большой демонстрационный зал. Раньше, когда это было жилое или административное здание, там проводились приёмы или что-то в этом роде — бытом дикарей эти два эльфа не интересовались.

Перспективами эвакуации интересовался Ило-ниэль Белый Ясень, техник, переведённый сюда всего полгода назад, уже после смены руководителя лаборатории. Его считали талантливым парнем из хорошего рода: вне великих кланов, носивших названия первородных долин и рощ, но достойного, плодovitого и крепкого корнями. Сюда молодого эльфа заманили перспективой карьерного роста, возможностью получить отличный опыт и высокой зарплатой. Пока сбывалось только последнее, а из всех навыков он приобрёл только привычку к эльфийскому листу. От обильного употребления наркотика кожа молодого парня приобрела едва заметный зеленоватый оттенок, нервы заметно расшатались, а пальцы — тряслись. Особенно утром. Тоже своего рода достижение: занять подобный порок представителю их вида не так-то просто.

Эльфийский лист, низкорослый вечнозелёный кустарник, почти во всём цивилизованном мире запрещали как опасный наркотик. На эльфов он

Не бойся, тебе понравится!

действовал гораздо слабее, чем на представителей других народов, особенно в чистом виде, при курении, но даже эльфийское здоровье имело пределы выносливости. И здесь, в забытой первородными духами и далёкой от семейных рощ лаборатории на краю дикой горной страны, находилось немало желающих этот предел испытать — в основном, из числа более родовитых.

Илониэль списывал свою привычку на невыносимые условия существования, называя единственной отдушиной. Он уверял, что всё это место по самой своей природе противно нормальным эльфам, к каковым причислял себя, и страдал, не в состоянии развлечься чем-то ещё.

Компанию ему составлял старший лаборант Сантиаль Серая Сосна, который продержался здесь уже два года и гораздо меньше роптал на судьбу. Он-то ехал исключительно поднакопить денег: не лишённый тщеславия молодой мужчина из небогатого рода лелеял надежду удачно жениться, а произвести впечатление на родню будущей невесты можно только капиталом.

Сам он не употреблял, но всегда носил в кармане пару самокруток, угостить приятелей: стоила тут эта дрянь копейки, а отношение к нему таких, как Илониэль, улучшала. Сантиаль считал это полезными знакомствами и вкладом в собственное будущее. Конечно, все прочие мысли об этих коллегах эльф держал при себе, хотя искренне считал их слабаками и идиотами: никакое начальство, никакая скука и никакие обстоятельства не стоили собственного здоровья.

Край для детей леса и правда выглядел весьма неприятным, особенно голые сухие скалы вокруг,

бедные растительностью. А ещё вырубленные в камне коридоры, отсутствие привычных и необходимых вещей, начиная с крайне ограниченного набора продуктов... Местные дикари предпочитали мясо, а выбор овощей, злаков и фруктов был крайне скуден.

Эльфийского листа только — хоть засыпся, но и с ним в последние недели, когда мятежники взяли под контроль основную часть Кулаб-тана, начались перебои. Дроу безжалостно уничтожали плантации, вводя за выращивание и распространение уголовную ответственность, и желающих рисковать свободой находилось немного. Благо в соседней долине листик в этом году на диво удался, а «Байтала» туда ещё не добралась.

Илониэль отчаянно хотел домой, подальше от этой пустынной дикой земли и сумасшедшей начальницы, и был уже близок к тому, чтобы согласиться вылететь без денег и рекомендаций, у основания отломив эту ветвь своей жизни. Он ещё молод, ещё не потерял вкуса к жизни, а здесь, в этой глуши и постоянном напряжении, одреветснет недолго. А учитывая начальство...

Подчиняться той, чьё место при муже и кому вообще не стоит без разрешения открывать рот в присутствии мужчин, неприятно, но, будь она достойной женой и матерью, это было бы не так противно.

Халлела же Безродная, отрезанная от корней, которую называли Повиликой, считалась позором всего народа. При этом она отказывалась оставаться на месте, которое предписывала ей роль изгоя и выроodka, а презрительным прозвищем невзрачного паразита словно гордилась. Давно бы нашлись жела-

ющие проучить её и поставить на место, и наверняка находились, но по какой-то причуде первородных духов эта женщина родилась с даром столь сильным, что второго такого не сыщешь во всём Новом Абалоне. А нападать толпой на одного, больше того, на женщину, — покрыть себя и свой род позором.

Илониэль начальницу презирал и боялся. Сантиаль — предпочитал держаться подальше и уклонялся от высказывания оценочного суждения. Серая Сосна была семьёй малоизвестной, но гордой, и главным поводом для последнего служили живучесть и умение приспосабливаться к новым обстоятельствам. Так и лаборант приспособился к новой начальнице. Раз прислали — значит, так надо, да и...

При ней тут впрямь начались интересные эксперименты. Порядка стало больше. Да и в магии Повилика, при всех недостатках, разбиралась отлично, причём не только общей.

— Скучаем, мальчики?

Вкрадчивый глубокий голос лёгкой на помине начальницы, прозвучавший вдруг за спинами, заставил обоих подпрыгнуть. Илониэль выронил самокрутку и чуть не прыгнул следом в пропасть, но тут же поджал губы, обернулся и процедил надменно, сверху вниз глядя на женщину:

— У нас законный перерыв. Имеем право.

Для этого пришлось выпрямиться, потому что ростом Повилика тоже удалась и уступала технику лишь самую малость.

— То есть мне всё-таки отправить вас сдавать кровь на содержание метаболитов и антител к действующим веществам эльфийского листа? — ласково оскалилась она.

— Простите, сэла Халлела, мы уже закончили и возвращаемся. — Более дипломатичный Сантьяго прервал начинающийся скандал и, уцепив товарища за локоть, потащил его прочь. Илониэля, выкурившего подряд три или четыре самокрутки, переполняла шальная бравада, он настраивался на бой до последнего и даже немного поупырился. Но лаборант победил.

Халлела проводила парочку насмешливым взглядом и вышла за ними следом. Только направилась не в испытательный зал, где сегодня намечался большой эксперимент и куда двигалась изначально, а прогулялась к охране и уже в компании — к начальнице медицинской службы. Повилика не любила бросать слова на ветер и дорожила репутацией мстительной твари и колючки в заднице, а репутация требовала подкормки, полива и прочего тщательного ухода.

Тем более юбилей, как пропустить? Уже двадцатый служащий лаборатории, которому предстояло уехать с позорной отметиной.

Ах нет, двадцатый и двадцать первый, их же было двое! Но это к лучшему, можно сразу и третий десяток разменять. Никогда нельзя останавливаться на пути к совершенству.

В рабочий зал после этого Халлела явилась с десятиминутным опозданием, но в прекрасном расположении духа — ещё лучше, чем было после пробуждения. Волнения она не испытывала, только жгучий азарт и восторг, а встреча на балконе пошла особенно на пользу: помогла немного переключиться и, не потеряв в настроении, приобрести в концентрации. Идеально. Она для этого решила про-

гуляться по галерее, вид голых скал и рокот реки успокаивали, но пара идиотов-сородичей подошла ещё лучше.

Сегодня предстоял момент истины: проверка гипотезы, занимавшей Халлелу уже не первый год. Именно ради этого перспективного исследования ей выделили лабораторию с неплохим оснащением и превосходным экспериментальным материалом. Только рабочие руки оставляли желать лучшего: из всех сотрудников не вызывала сомнений компетентность только пятерых, среди которых охранник-человек и полукровка-врач. Но хотя бы количество паразитов и дармоедов Повилика сократила с тридцати до десятка, после чего в небольшом лабораторном комплексе стало гораздо тише.

Большой двусветный зал с высоким сводом украшали декоративные каменные панели — диковато, странно, но по-своему красиво. После отречения семьи Халлела утратила то острое восприятие живого, какое отличало эльфов от остальных народов, но тяжело это было только поначалу, зато после, когда удалось выжить и привыкнуть, нашлись плюсы. Например, она начала куда отчётливей видеть мёртвую красоту. Да и нахождение среди голых камней, почти лишённых растительности, её, в отличие от подчинённых эльфов, не угнетало, а даже наоборот, казалось новым интересным опытом. Особенно на фоне страданий сородичей, доставлявших мелочное удовольствие.

Зал делился на две зоны. Ближняя ко входу состояла из нескольких универсальных рабочих мест, позволявших прямо здесь производить замеры, магические и химические анализы. Сюда же при-

тащили пару шкафов со справочной литературой, которая могла понадобиться в любой момент, и архивами. У стены стояло несколько кадок с крупными растениями, облегчавшими эльфам даже обще-магические операции.

Дальняя половина зала была почти пустой. Гладкий каменный пол создавал отличные условия для проведения сложных экспериментальных воздействий, которые люди называли ритуалами. Достаточно расстелить большой лист специально обработанной бумаги, на который заранее, на стоящих здесь же чертёжных столах, наносились все нужные векторы, расставить опорные предметы — и готово. Просто и удобно. В этой части голые стены затягивал густой тёмно-зелёный плющ особого сорта, гасящий магические возмущения и поглощающий лишний фон. В плотном покрове, незаметные случайному взгляду, прятались разнородные датчики — и простые детекторы магического поля, и куда более интересные и сложные вещицы.

Ну и в самом конце зала — главный лабораторный образец, ради которого Халлела сюда и приехал.

Её давно занимал вопрос различий расовой магии, она же — родовая или видовая, кому какое название ближе. Как выходило, что общая магия единая для всех, а эта, вроде бы черпающая силы из тех же источников, настолько различна? А самое главное, недоступна представителям других народов и не смешивается в полукровках.

Конечно, последнее утверждение оставалось спорным и бездоказательным из-за скудной статистики: полноценных исследований наследственно-